

Не говоря уже о людях того же возраста, даже многие учёные Академии Ханьлинь, возможно, не имели той великой возможности обладать полным собранием буддийских канонов, классическими трудами различных философских школ и единственными в своём роде уникальными экземплярами. Вэй Тинсюй ушла в чтение практически с головой, порой забывая о еде и сне. Будучи тяжелораненой, прикованной к постели и лишённой возможности куда-либо передвигаться, она, тем не менее, могла следовать за строками книг, блуждая по реке истории и переносясь в любые поворотные мгновения, определившие судьбу будущих поколений.

Она перечитала все официальные хроники и неофициальные исторические очерки, изучив до мельчайших деталей расцвет и упадничество прошлых эпох и династий, борьбу правителей со своими слугами и распри среди сослуживцев. Она видела, как безвестный простолюдин поднимал восстание, сокрушал врагов по всем четырём сторонам и в итоге восходил на императорский престол, и созерцала, насколько одиноким и неприкаянным оставался его силуэт на вершине высокого помоста. Она изучала взгляды святых мудрецов и великих мастеров разных эпох на устройство Поднебесной, на природу власти и на самую суть человеческой души.

Каждый раз, натываясь на непонятное место, Вэй Тинсюй просила Линби и Сяохуа отнести её к мастеру Чунгуану, дабы тот рассеял её сомнения.

Мастер Чунгуан был не только великим титаном в мире боевых искусств, но и глубокоуважаемым мудрецом среди великих учёных. Его мать была талантливой женщиной, волею случая оказавшейся в порочном кругу, родив его прямо в храме, она ушла навстречу своей судьбе. В юности мастер Чунгуан странствовал по всему свету и прочёл несметное количество книг, а теперь, перешагнув за порог своего семидесятилетия и потеряв былую лёгкость на подъём, вернулся в родную обитель, принял пост настоятеля, присматривал за библиотекой буддийских свитков и отвечал на вопросы молодых послушников.

Вэй Тинсюй очень любила беседовать с ним. Разговоры с настоятелем неизменно приносили ей неожиданные плоды, и сколько бы она ни донимала мастера расспросами, тот всегда проявлял безграничное терпение, ничуть не выказывая пренебрежения из-за того, что перед ним всего лишь ребёнок, чьи вопросы порой казались излишне наивными.

Но как бы ни был терпелив мастер Чунгуан, у Вэй Тинсюй всё равно оставалось множество узлов в душе, которые она никак не могла развязать.

- В таком случае, отправляйся побродить по свету, - сказал ей однажды мастер. - Ступай и взгляни на эту огромную Поднебесную, посмотри на жизнь простых людей, послушай об их горестях и заботах, и тогда, возможно, ты всё поймёшь.

- Но я не могу ходить, мои ноги разбиты, - Вэй Тинсюй вцепилась пальцами в подол юбки, укрывавшей её ноги.

- Для того чтобы идти по миру, вовсе не обязательно полагаться на ноги. Путь держит твоё сердце, - мастер Чунгуан указал пальцем на левую сторону своей груди. Густые белые брови почти полностью скрывали его глаза, а белоснежная борода закрывала рот, отчего разобрать выражение его лица было невозможно, но Вэй Тинсюй явственно ощущала исходящую от него тёплую, мягкую улыбку.

- Ты и впрямь хочешь уехать и странствовать?

А-Ляо часто навещала её. В те мрачные дни Вэй Тинсюй виделась лишь со своей подругой

детства.

А-Ляо постоянно привозила ей всякие занятные безделушки и сладости. Смутно догадываясь по разговорам отца и матери о том, через какой кошмар пришлось пройти Вэй Тинсюй, А-Ляо, едва завидев какую-нибудь диковинную вещь, непременно покупала ещё один экземпляр про запас, дабы приберечь его и привезти Вэй Тинсюй, когда в очередной раз отправится к ней в монастырь. А-Ляо заметила, что после той трагедии характер её подруги разительно изменился: она потеряла прежнюю живость, став замкнутой и вечно погружённой в тяжёлые думы. Именно тогда бойкий, весёлый нрав А-Ляо, столь любимый всеми девушками, нашёл своё идеальное применение.

Линби и Сяохуа замечали, что каждый раз, стоило госпоже А-Ляо приехать в обитель, как из башни буддийских свитков начинал доноситься едва различимый девичий смех. То была радость, которую они сами не могли подарить своей хозяйке.

В те годы А-Ляо, которой было всего лет одиннадцать-двенадцать, проявляла к Вэй Тинсюй трогательную и искреннюю заботу. Играя с ней, она всегда находила способ рассмешить подругу, при этом с предельной осторожностью выверяя каждое слово, дабы случайно не задеть раны прошлого и не опечалить её.

И вот теперь, когда Вэй Тинсюй наконец-то смогла рассеять часть окутавшего её мрака и вознамерилась покинуть затворничество, А-Ляо, казалось бы, должна была радоваться, но ей было невыносимо тяжело расставаться с ней.

- А вдруг ты уедешь, и какие-нибудь злые люди снова обидят тебя? Что тогда делать? - Это был первый раз за долгое время, когда А-Ляо косвенно упомянула о той трагедии. Говоря это и невольно вспомнив о шрамах, покрывавших тело Вэй Тинсюй, она сама не сдержалась и горько расплакалась.

- Ну и чего ты развылась? - Вэй Тинсюй, сидевшая в инвалидном кресле, удивлённо посмотрела на неё. - Разве я не жива и здорова сейчас? Пусть только попробуют сунуться эти негодяи, мы проверим их силы. Я уже далеко не та, что была прежде.

- Неужели ты стала такой сильной?

- ... - слова А-Ляо и впрямь заставили Вэй Тинсюй растеряться. Она не знала, что ответить.

- В любом случае, мы ведь не прощаемся навсегда. Разве ты едешь не в Дунчунь? Я тоже отправлюсь в Дунчунь, там и свидимся.

- Ну, договорились, - А-Ляо протянула мизинец, чтобы скрепить уговор.

Вэй Тинсюй посчитала это ребячеством, но в итоге всё же скрестила с ней мизинцы.

- А ты привезёшь мне подарок? - спросила А-Ляо.

- И какой же подарок ты хочешь?

- Привези мне какую-нибудь красивую молодую госпожу.

Вэй Тинсюй:

- ...

Вэй Тинсюй наконец-то приняла решение покинуть затворничество, в её сердце вновь зародилось мужество лицом к лицу встречать незнакомых людей.

Едва Вэй Лунь узнал о намерении дочери, он велел Сяохуа и Линби неотлучно сопровождать её: везти туда, куда ей вздумается, а также выделил скрытую стражу для тайной защиты. Сам же он уехать не мог. Он был обязан оставаться в Жунине, подле Сына Неба, и продолжать исполнять его волю.

Скорбь от потери сына он, разумеется, не забыл, как не мог стереть из памяти заточение и жестокие истязания, которым подверглась его дочь. Но чем сильнее были эти раны, тем твёрже он был намерен оставаться в столице. Он ни разу не упоминал перед императором о смерти сына. И он, и сам правитель прекрасно знали, кто втайне управлял тем похищением, но Вэй Лунь выбрал молчание, долгое и суровое терпение.

Видя, что его старший законный сын мёртв, но Вэй Лунь по-прежнему готов рисковать жизнью ради служения трону, Сын Неба понял: Вэй Лунь выказывает ему абсолютную преданность, дабы уберечь и сохранить клан Вэй. Раз Вэй Цзинсю мёртв, угроза для династии Ли ликвидирована, а поскольку рот генерала закрылся навеки, тайна похищения, по всей видимости, уже никогда не всплывёт наружу. Император временно вернул покой в свою душу, однако до конца своих дней так больше и не продвинул Вэй Луня по службе.

Когда молодой император Ли Цзюй взошёл на трон, Вдовствующая Императрица Гэн, правившая из-за занавеси, оказалась зажата обстоятельствами, и остро нуждалась в том, чтобы вырастить группу доверенных лиц для своего использования. Именно в это время для Вэй Луня наконец-то открылась истинная возможность.

Он начал стремительно подниматься по служебной лестнице и в четвёртый год правления Шэньчу занял пост Сыту, войдя в число трёх высших сановников империи.

Что же касается Вэй Тинсюй, то она объехала абсолютно все сорок восемь округов Великой Юй, сполна наслушавшись о радостях и горестях простых людей Поднебесной. Весь этот колоссальный жизненный опыт наконец-то накопил в её душе достаточную силу для сокрушительного контрудара. Она попросила матушку наречь её взрослым именем - Цзычжо, и сама явилась к полной амбиций Ли Яньи, предложив ей свои способности. С тех пор имя Вэй Цзычжо официально зазвучало на политической арене. Первым же своим шагом она одним махом полностью уничтожила клан Цао, союзников семьи Се, что принесло ей оглушительную славу.

Се Фучэнь и понятия не имел, что эта загадочная Вэй Цзычжо - та самая маленькая девчонка, которую он когда-то пытал и едва не замучил до смерти. Он считал её младшим сыном Вэй Луня, которого тот до поры до времени скрывал от чужих глаз.

- После этого наступило то дело, о котором ты знаешь, - Когда Вэй Тинсюй закончила свой рассказ, на востоке уже забрезжил рассвет. Набросив одежду, она лежала ничком на краю мягкой кушетки, позволив своим длинным волосам свободно свисать вниз.

Чжэнь Вэньцзюнь с помощью мыльных бобов Цзао Цзяо принялась медленно и бережно смывать запёкшуюся кровь и дорожную пыль с её волос, затем сделала массаж кожи головы с имбирным соком и, наконец, нанесла древесное масло для питания и блеска. Ей пришлось сменить несколько чанов с водой, прежде чем волосы госпожи стали абсолютно чистыми. Вылив грязную воду вон, Чжэнь Вэньцзюнь вернулась в комнату и обнаружила, что Вэй Тинсюй

уже крепко спит.

Не желая её тревожить, Чжэнь Вэньцзюнь осталась сидеть на краю кушетки. Несмотря на крайнюю усталость и невыносимую, режущую боль в глазах, после исповеди Вэй Тинсюй о её прошлом у неё не осталось ни малейшего сна.

Эта недавняя прямая стычка с Янь Е пробудила в памяти Вэй Тинсюй самые мрачные воспоминания в её жизни. Чжэнь Вэньцзюнь не знала, как та, будучи в те годы ещё ребёнком, сумела всё это переосмыслить и пережить, это совершенно точно стоило ей колоссальных душевных сил, ведь подобное испытание сломило бы любого.

Её заперли в собачьем вольере, где свирепые псы рвали и грызли её плоть - вот почему она так панически боится собак.

Её старшего брата предал человек, которому тот верил больше всего на свете - вот почему она всем сердцем ненавидит предателей.

Всё в этом мире устроено именно так: не бывает любви из ниоткуда, и уж тем более не бывает слепой, беспричинной ненависти. То, что нынешняя Вэй Тинсюй убивает людей, не моргнув глазом, и способна подвергнуть лазутчика бесчеловечному, жестокому колесованию - это лишь плоды, взращённые Се Фучэнем и покойным императором. А то, что весь клан Вэй в итоге превратился в «вероломных чиновников», поддерживающих Старшую Принцессу, обусловлено, скорее всего, их глубочайшей, укоренившейся ненавистью к наследникам династии Ли.

В этот раз Вэй Тинсюй даже не стала со своим привычным расчётом допытываться, как Чжэнь Вэньцзюнь оказалась в павильоне Циньфэн, и не упомянула ни единого дела из тех, что та проворачивала в Жунине. К счастью, она не спросила, иначе у Чжэнь Вэньцзюнь сейчас попросту не хватило бы духу и сил выкручиваться.

Медленно опустившись вниз, Чжэнь Вэньцзюнь легла прямо на ковёр у кушетки и уснула. Она была слишком истощена, и ей требовался долгий, беспробудный сон, чтобы восстановить силы.

Как быть с матушкой? Как быть с Вэй Тинсюй?

Как вести себя с семьёй Се и как реагировать на Сяохуа?..

Обо всём этом она подумает, когда проснётся.

Чжэнь Вэньцзюнь уснула прямо на полу. Засыпая, она даже не думала о том, холодно ей или нет, к тому же накануне праздника драконьих лодок уже стояло такое пекло, что она и помыслить не могла, будто её продует сквозняком.

Она забыла закрыть окно.

Превозмогая дикую ломоту и боль в каждой кости своего измученного тела, Чжэнь Вэньцзюнь поднялась, кое-как притворила оконные створки и, пошатываясь, вернулась назад. Едва она собиралась снова лечь на ковёр, как услышала тихий, жалобный стон Вэй Тинсюй.

То ли это был бред во сне, то ли боль от ран стала окончательно невыносимой. Чжэнь Вэньцзюнь подалась вперёд и тихо спросила её:

- Сестрица, тебе плохо?

Вэй Тинсюй слегка потянулась всем телом вверх и с трудом приоткрыла глаза, увидев Чжэнь Вэньцзюнь в лучах утреннего солнца.

- Больно... - прошептала она, то ли ещё не проснувшись, то ли уже придя в себя. Притянув Чжэнь Вэньцзюнь к себе, она уткнулась лицом ей в грудь.

Чжэнь Вэньцзюнь замерла, боясь даже пошевелиться, дабы случайно не надавить на её раны. Так они провели довольно много времени, и лишь когда она окончательно удостоверилась, что Вэй Тинсюй снова крепко спит, Чжэнь Вэньцзюнь попыталась аккуратно высвободиться и уйти.

Сделав пару движений, она поняла, что вырваться из объятий Вэй Тинсюй у неё не выйдет: её руки по-прежнему мёртвой хваткой обвивали её шею.

Оперевшись обеими руками по обе стороны от тела Вэй Тинсюй, она едва сдерживала стон: её собственная поясница, потянутая накануне, невыносимо ныла всю ночь, и ей стоило огромных трудов не рухнуть на неё всем весом. Видя, что Вэй Тинсюй совершенно не собирается её отпустить, Чжэнь Вэньцзюнь сдалась и была вынуждена лечь рядом с ней на кушетку.

Стоило ей лечь, как Вэй Тинсюй во сне повернулась к ней лицом. Движение потревожило раны, и из её уст вырвался тихий, приглушённый хрип: «Больно...», от которого к щекам Чжэнь Вэньцзюнь невольно прилила жаркая краска. Постаравшись взять себя в руки и успокоиться, она натянула одеяло, хорошенько укутав её. Вэй Тинсюй, поёжившись плечами, целиком погрузилась в мягкий шёлк.

Чжэнь Вэньцзюнь любила смотреть, как она мирно спит: в такие мгновения в ней проступала та самая кротость и беззащитность, которая была совершенно невозможна, когда она бодрствовала.

Она протянула руку, желая ласково погладить Вэй Тинсюй по голове, но та во сне убрала ладонь от лица и крепко переплела свои пальцы с её пальцами.

До чего же она сейчас была милой.

Чжэнь Вэньцзюнь никогда бы не подумала, что в один прекрасный день решится использовать слово «милая» по отношению к Вэй Тинсюй.

Вэй Тинсюй прижала её ладонь к своей ключице и больше не шевелилась. В таком положении, лицом к лицу, они проспали до самого полудня.

Солнечные лучи проникали сквозь окно. Вэй Тинсюй панически боялась холода и обожала греться на солнце, поэтому её комната отличалась исключительной освещённостью. Чтобы солнечный свет мог падать прямо на её ложе, Вэй Лунь в своё время даже специально изменил планировку всего поместья Вэй.

Чжэнь Вэньцзюнь проснулась от лучей солнца, вся взмыленная от жары. С трудом разомкнув веки, она обнаружила, что Вэй Тинсюй в упор, с самого близкого расстояния, смотрит ей прямо в глаза, и от неожиданности изрядно испугалась.

- Сестрица... ты уже проснулась? - голова Чжэнь Вэньцзюнь раскалывалась от дикой боли. Она не знала, было ли это следствием умственного перенапряжения во время схватки с Янь Е или же результатом ночного сквозняка.

- Сестрица оказалась куда более способной, чем я себе представляла.

Этот её привычный, нарочитый тон вместе с загадочной, трудно поддающейся объяснению ухмылкой возникли одновременно, заставив Чжэнь Вэньцзюнь на миг опешить.

- Провела подле Старшей Принцессы всего два месяца, а уже умудрилась стать её любимицей. Даже этот Янь Е знал твоё имя и был прекрасно осведомлён о том, что ты прячешься в комнатах павильона Циньфэн.

Ну надо же, едва глаза продрала и сразу начала допрос, - мысленно скривилась Чжэнь Вэньцзюнь. Та вчерашняя беззащитная и милая Вэй Тинсюй бесследно исчезла, и перед ней снова предстала привычная «Вэй Тинсюй», чьи речи были полны скрытых шпилек, а в словах наверняка крылась очередная ловушка.

- Всё благодаря твоим благословениям, сестрица, - Чжэнь Вэньцзюнь давно знала, что Вэй Тинсюй непременно засыплет её вопросами, а потому заранее заготовила ответы. - Вэньцзюнь лишь проявила немного девичьей смекалки и оказала Её Высочеству пару скромных услуг. А стала я любимицей или нет - всё ради того, чтобы не ударить в грязь лицом и не опозорить тебя, сестрица.

Едва Вэй Тинсюй собралась что-то возразить, как Чжэнь Вэньцзюнь резко перевернулась, села на кушетке и поспешила перехватить инициативу:

- К счастью, выполняя поручение Её Высочества, я одолжила у Линь Юэ пропускной жетон и отправилась на чёрный рынок. Едва прибыв туда, я совершенно случайно наткнулась на следы людей из клана Се, а именно на этого по фамилии Янь. Когда он разыскал промышляющих похищениями братьев Тэн, я сразу почуяла неладное. Разузнав, что они договорились о встрече в павильоне Циньфэн, я тайком пробралась внутрь и затаилась в комнате, рассчитывая из засады выведать, какие именно грязные делишки они проворачивают.

Вэй Тинсюй заметила:

- У сестрицы смелости так и прибывает.

- Если хочешь вершить великие дела ради сестрицы, то волей-неволей приходится быть отважной и расчётливой. Разве я не укрылась в тех покоях как раз для того, чтобы выведать, какую зловещую интригу замышляет этот старый вор Се? И надо же, стоило мне затаиться, как я сразу увидела тебя, сестрица! Сестрица, скажи, разве я не твоя путеводная счастливая звезда?

Она уже очень давно не прибегала к подобному притворству и напускной нежности, но Чжэнь Вэньцзюнь по-прежнему разыгрывала эту карту с исключительным мастерством.

- Разумеется, сестрица всегда была моей счастливой звездой. Не будь тебя рядом, я бы не дожидаясь до сегодняшнего дня.

От этих слов Чжэнь Вэньцзюнь чуть не поперхнулась. А ведь и вправду: не устрой она ту засаду, разве попала бы Вэй Тинсюй в руки Янь Е и перенесла бы такие страшные муки? Вспомнив о нескольких прошлых случаях, когда возмездие настигало её мгновенно, Чжэнь Вэньцзюнь ощутила фантомную боль чуть ниже поясницы, будто её уже всю пороли.

- Причину, по которой меня похитили, Линби тебе, должно быть, уже поведала.

- Да, - Чжэнь Вэньцзюнь, всмотревшись в выражение лица и уловив общую атмосферу речей Вэй Тинсюй, поняла, что та, похоже, не усомнилась в её объяснениях, и на душе у неё слегка отлегло. Теперь, когда она знала о трагическом прошлом Вэй Тинсюй и понимала всю степень её лютой ненависти к предателям, раскрывать свою истинную личность было категорически нельзя.

В этот момент раздался тихий стук в дверь. Как оказалось, её матушка, старшая сестра, Сяохуа, Линби, господин Сюй, Чжун Цзи, а также лекари поместья Вэй уже полдня преданно дежурили снаружи. Матушка безумно пеклась о её ранах, но слишком хорошо знала характер своей дочери: Вэй Тинсюй терпеть не могла, когда кто-то видел её шрамы и увечья, поэтому каждый раз лекарей допускали к ней только после того, как она приходила в себя и лично давала на то своё согласие.

- Тинсюй, ты проснулась? Пусть лекарь осмотрит твои раны, - раздался снаружи голос матушки.

Чжэнь Вэньцзюнь посмотрела на Вэй Тинсюй, ожидая её решения. Вэй Тинсюй откинула одеяло и осмотрела свои ноги. Ранее они уже шли на поправку, но теперь вновь подверглись тяжелейшему удару. К счастью, она всё ещё могла чувствовать боль, а значит, надежда для её ног не потеряна. Она попробовала слегка приподнять их, от острой боли у неё выступил холодный пот, но то, что кости уцелели, уже было огромной удачей.

Вэй Тинсюй не стала сразу впускать лекаря для осмотра. Поразмыслив немного, она произнесла:

- Пусть войдут господин Сюй и Чжун Цзи.

Этот шаг изрядно удивил Чжэнь Вэньцзюнь.

Вэй Тинсюй так долго скрывала, что может стоять, именно ради того, чтобы усыпить бдительность тех, кого считала своими врагами. Янь Е, ставший свидетелем её исцеления, уже мёртв. Кроме Чжэнь Вэньцзюнь, об этом никто не знал, и эту тайну, само собой, следовало оберегать и дальше. Но если Вэй Тинсюй не доверяла даже лекарям из собственного поместья, то почему сейчас решила довериться Чжун Цзи? Впрочем, если подумать, в этом был смысл: лицо Сяохуа полностью изменилось, а значит, очищение от яда прошло успешно, и в сердце Вэй Тинсюй, возможно, поубавилось подозрений насчёт Чжун Цзи. Но как объяснить приглашение господина Сюя? Она постоянно держала его при себе, но никогда не подпускала близко, а теперь, в столь важный момент, позволила ему приблизиться к своей главной тайне. Было неясно, что за замысел зреет в голове у Вэй Тинсюй.

Господин Сюй и Чжун Цзи вошли в покои. Шагавший позади Чжун Цзи господин Сюй украдкой огляделся по сторонам. Чжэнь Вэньцзюнь перехватила этот его взгляд, и в её душе зародились подозрение и неприязнь. Чжун Цзи же, напротив, смотрела строго перед собой, она подошла прямо к кушетке Вэй Тинсюй и опустилась на колени, со всем почтением ожидая, когда наставник заговорит первым.

Не успел господин Сюй вымолвить и слова, как Вэй Тинсюй откинула шёлковое одеяло, спустила ноги на пол и, стиснув зубы от боли, со всей силы оперлась на них и поднялась.

Видя, как её качает из стороны в сторону, Чжэнь Вэньцзюнь поспешно шагнула вперёд и поддержала её. Чжун Цзи и господин Сюй застыли в крайнем изумлении:

- Госпожа, ваши ноги... исцелились?! - в один голос воскликнули они.

Вэй Тинсюй не стала прямо отвечать на их вопрос, а лишь сухо велела:

- Осмотрите меня и проверьте, не повреждены ли кости после недавних побоев.

- Слушаемся.

Господин Сюй и Чжун Цзи вместе принялись за осмотр. Чжэнь Вэньцзюнь, кажется, начала понимать мотивы госпожи: для лечения нынешней травмы одной лишь травы шэгуцао было явно недостаточно. Ей требовалось, чтобы лекари подобрали точное лекарство, а господин Сюй как раз славился своим мастерством в лечении суставов и костей. Именно ради его выдающихся навыков костоправа Вэй Тинсюй в своё время и оставила его подле себя. Вэй Тинсюй хотела, чтобы господин Сюй помог ей вылечить травму ног, но в то же время продолжала сомневаться в истинном происхождении этих наставника и ученицы. Находясь в поместье Вэй, они, разумеется, не посмели бы действовать опрометчиво или открыто навредить ей, однако собрать и передать ценные разведданные для них не составляло никакого труда.

О состоянии её ног в этом мире, кроме неё самой, догадывались теперь, пожалуй, лишь Чжэнь Вэньцзюнь да эти наставник с ученицей. Они, разумеется, прекрасно понимали, кто такая Вэй Тинсюй, и знали, что с ними сделают, если они вздумают разболтать её секрет на стороне. Огласка этого дела заставила бы врагов ещё сильнее проявить бдительность и опасаться Вэй Тинсюй, а сама она в тот же миг поняла бы, что лазутчиками являются именно эти двое лекарей.

Или же...

Вэй Тинсюй повернула голову и посмотрела на Чжэнь Вэньцзюнь:

- Сестрица, помоги мне вернуться на постель.

Чжэнь Вэньцзюнь уловила скрытый смысл в её взгляде и, слегка улыбнувшись, помогла ей лечь обратно.

Что ж, отлично. Всё вернулось в привычное русло взаимного обмана и притворства, где снова приходилось тратить кучу сил на то, чтобы расшифровать каждое выражение лица и каждое слово Вэй Тинсюй.

То, что вчера ночью Вэй Тинсюй не стала созывать лекарей, совершенно точно объяснялось её нежеланием принимать решения с затуманенным разумом. Проснувшись после долгого сна, она, пусть и не избавилась от терзавшей тело боли, сумела выстроить такую стратегию, которая позволяла как держать оборону, так и идти в атаку. Это было исключительно верное решение. Она и впрямь была человеком поразительного терпения.

За ночь Чжэнь Вэньцзюнь тоже изрядно освежила голову. Пока Вэй Тинсюй обрабатывали раны, она сидела поодаль: со стороны казалось, будто она внимательно следит за действиями лекарей, но на самом деле её разум лихорадочно просчитывал каждый последующий шаг.

Неизвестно, как именно Сяохуа заметала следы в павильоне Циньфэн, ведь там осталась брошенная ею человеческая маска. При всей своей дотошности Сяохуа вряд ли упустила бы маску из виду, но это было полбеды: Сяохуа не застала саму схватку от начала и до конца. Если она действительно вернётся с расспросами, происхождение этой маски Чжэнь Вэньцзюнь всегда сможет свалить на кого-то другого, хоть на братьев Тэн, хоть на людей Янь Е.

Если сейчас хладнокровно всё разложить по полочкам, то Сяохуа, не имея специального пропуска, вообще вряд ли смогла бы беспрепятственно войти на территорию чёрного рынка, а значит, она вряд ли видела сам процесс найма братьев Тэн для похищения Ли Яньи. Так что прошлые панические страхи можно было временно отложить в сторону. А вот с передачей писем семье Се всё обстояло куда сложнее. В тот раз, прежде чем отправить тайное послание Янь Е, Чжэнь Вэньцзюнь сперва отправила письмо самой Вэй Тинсюй, а последующее послание для Янь Е снабдила секретным шифром-печатью. Даже если Сяохуа перевернёт вверх дном всю почтовую станцию, она вряд ли сумеет раскопать там какие-то явные зацепки. Единственной уязвимостью оставалось имя получателя «Господин Цзюань из округа Дунчунь».

Сяохуа могла послать людей проверить его, но неужели Янь Е был настолько глуп, чтобы вешать табличку со шпионским именем прямо на ворота поместья, позволяя врагам без труда себя вычислить? Чжэнь Вэньцзюнь была уверена, что он принял должные меры маскировки. Но главное при всей нелюбви Сяохуа к ней и при её абсолютной преданности Вэй Тинсюй, найди она хоть малейшую реальную улику, она бы в то же мгновение доложила обо всём хозяйке. Чжэнь Вэньцзюнь до сих пор помнила, как Сяохуа вчера замялась при встрече, не решаясь заговорить. Непонятно, что именно её сдерживало, да и расспрашивать напрямую было нельзя. Но даже если представить самый худший сценарий, что Вэй Тинсюй уже знает о том, что она является засланной шпионкой Се, но при этом не убила её на месте и по-прежнему выказывает ей исключительную близость, то о чём это говорило? Это говорило лишь о том, что Вэй Тинсюй видит в ней огромную ценность и рассчитывает использовать её фигуру для сокрушительного ответного удара по клану Се.

Чжэнь Вэньцзюнь была более чем согласна стать пешкой в руках Вэй Тинсюй! Если это поможет полностью уничтожить семью Се, она готова хоть сейчас раскрыть свою личность и позволить Вэй Тинсюй использовать себя как угодно!

При мысли об этом сердце Чжэнь Вэньцзюнь бурно заколотилось, и ей стоило немалых усилий подавить эмоции, дабы вернуть себе внешнее спокойствие.

Что касается стороны Се, ей необходимо было составить оправдательное письмо касательно гибели Янь Е. Написать, что она успешно выманила и связала Ли Яньи, однако Янь Е был убит внезапно нагрянувшей личной гвардией принцессы. Описать случившееся как форс-мажор, который она была не в силах контролировать, временно признать свою оплошность и выразить надежду, что Се Фучэнь не станет вымещать гнев на её матушке. Разумеется, Се Фучэнь не поверит этому письму до конца, но Чжэнь Вэньцзюнь и не ждала от него слепой веры, главное продемонстрировать, что она по-прежнему верна своей миссии лазутчицы и готова продолжать работу.

План похищения Ли Яньи провалился, и больше всего Чжэнь Вэньцзюнь боялась, что Се Фучэнь в наказание убьёт её мать. Ей во что бы то ни стало требовалась стратегия, способная на сто процентов удержать Се Фучэня от опрометчивых шагов. Сейчас она закрепилась подле Ли Яньи и пользовалась её безграничным доверием, о таком раскладе Се Фучэнь, возможно, ранее даже не смел мечтать. Она была пешкой, но разве Янь Е не был такой же пешкой? У Се Фучэня были сотни советников, с чего бы ему всерьёз горевать о потере одного из них? Всё, что его по-настоящему волновало - это выгода, а сейчас полезность Чжэнь Вэньцзюнь превосходила возможности всех остальных его шпионов. Се Фучэнь с высокой долей вероятности сохранит ей жизнь и продолжит использовать её потенциал.

Насколько верны были её расчёты покажет лишь время. Было бы просто идеально, если бы ей удалось разыскать и вызволить матушку до того, как эта ложь вскрыется.

А вот братья Тэн представляли огромную, смертельную опасность: стоит шпионам или гвардии выйти на них, как наружу вылезет слишком много тайн. Эти двое не должны остаться в живых. Но как Чжэнь Вэньцзюнь разыграть карту их устранения? Физически прикончить их своими силами для неё не составляло труда, но теперь, когда Вэй Тинсуй вернулась, действовать в одиночку и скрыться от её всевидящего ока было задачей из разряда невыполнимых. Нанять новых убийц со стороны? Это неизбежно оставило бы новые зацепки и следы.

Чжэнь Вэньцзюнь вспомнила, что Бу Цзе в своём письме обещал в скором времени прибыть в Жунин, чтобы воссоединиться с ней. Это было как нельзя кстати. Сейчас она как никогда остро нуждалась в верном и надёжном помощнике. Судя по тому, как Бу Цзе добровольно отчитывался перед ней и вкладывал все силы в поиски её матушки, он вёл дела абсолютно искренне. Этому человеку можно было безоглядно доверять.

Господин Сюй, закончив осмотр ног Вэй Тинсуй, не решился высказаться слишком категорично. Он лишь отметил, что её ногам по-прежнему требуется должный уход, а также пообещал принести снадобья и заодно обучить Чжэнь Вэньцзюнь новым техникам массажа и расположению акупунктурных точек.

Вэй Тинсуй велела господину Сюю передать эти слова её матушке и старшей сестре, ожидавшим снаружи. Смысл послания сводился к тому, что её травма требует лишь ухода и приёма лекарств, и ничего страшного в ней нет.

- И что ты теперь задумала? - А-Жань слишком хорошо её знала, такие речи с её стороны означали лишь одно: она собирается покинуть поместье.

- Сестрица, разумеется, понимает меня с полуслова. Мне необходимо навестить Старшую Принцессу.

- Но ты ведь так тяжело ранена! Проспала всего одну ночь и уже рвёшься наружу? О небо, а если по дороге что-нибудь случится, как тогда быть?!

- Это дело куда важнее моих ран. Линби, Сяохуа, готовьте лошадей.

Линби и Сяохуа растерянно переглянулись, но стоило Вэй Тинсуй грозно зыркнуть на них, как они тут же послушно поспешили исполнять приказ.

- Ладно, ладно вам, пусть едет, - махнула рукой матушка. - Нашей младшей дочери суждено было уродиться совсем непохожей на нас.

Чжэнь Вэньцзюнь, толкая перед собой четырёхколёсное кресло Вэй Тинсуй, доставила её в резиденцию Хуайчэнь. Едва завидев её, Ли Яньи сразу же бросилась навстречу. Склонившись и крепко сжав её руки, она с глубочайшим чувством произнесла:

- Цзычжо, в этот раз всё действительно благодаря тебе! Если бы ты не прикрыла меня, моя голова уже, боюсь, покоилась бы отдельно от тела. Это была моя оплошность. Стоит делу коснуться А-Сянь, как я тут же теряю всякий рассудок... Цзычжо, твоё лицо... С ним ведь всё будет в порядке?

Чжэнь Вэньцзюнь своими глазами видела, как из глаз Ли Яньи покатались слёзы. И её голос, и её руки заметно дрожали - это вовсе не походило на дежурное притворство или фальшь.

Глядя на Вэй Тинсуй, которая в ответ сжимала ладони Ли Яньи, Чжэнь Вэньцзюнь ощутила, как внезапная догадка, подобно острому копыю, пронзила её разум, заставив мгновенно всё

осознать.

Возможно, та неожиданная встреча в таверне и впрямь была чистой случайностью. Однако всё, что разыгралось после неё, вовсе не было цепочкой стихийных, неуправляемых событий. Всё это укладывалось в чёткий план Вэй Тинсуй.

Чжэнь Вэньцзюнь, конечно же, помнила, ради чего её саму когда-то подослали к Ли Яньи. То была скрытая интрига, контригра, разыгранная ими обеими, и один из способов Вэй Тинсуй выразить принцессе свою преданность. И то решение, которое Вэй Тинсуй молниеносно приняла в тот миг, когда осознала, что Ли Яньи собираются похитить, стало ещё одним куда более сильным средством заставить Ли Яньи безоглядно себе поверить. И то, что сейчас, будучи сплошь покрытой ранами, она немедленно приехала к Ли Яньи, давало принцессе чётко понять: это не театральная постановка. Вэй Тинсуй действительно, самым настоящим образом, только что едва вырвалась из врат подземного царства, рискуя собственной жизнью ради спасения Ли Яньи.

Так вот оно что, оказывается.

Спина Чжэнь Вэньцзюнь вновь покрылась холодным потом, а её взгляд, устремлённый на Вэй Тинсуй, на миг остекленел.

Тонкие кружева интриг, которые плела Вэй Тинсуй, всегда приходилось распутывать до самого последнего узелка, дабы разглядеть скрытый внутри механизм. Чжэнь Вэньцзюнь знала об этом с самого начала, но каждый раз, натываясь на эти едва заметные штрихи и детали, она не переставала поражаться до глубины души.

Но куда страшнее было другое: если всё это действительно изначально входило в её расчёты, то как она могла предугадать, что сумеет пережить этот кошмар и спастись?

На что именно она опиралась, просчитывая свои шансы на победу? На то, что ей удастся успешно вбить клин между врагами? Или на то, что Линби и Сяохуа успеют вовремя подоспеть на чёрный рынок?

Или... на саму Чжэнь Вэньцзюнь, которая всё это время будет тайно следовать за ней в темноте?

В её плане совершенно точно не могло быть одной-единственной ставки на тот внезапный прыжок с кинжалом. Вэй Тинсуй была слишком умна и расчётлива, чтобы пускаться в авантюры, не имея стопроцентной уверенности в успехе.

<http://bllate.org/book/17227/1721828>